

18+

Наталия Лозовская

ТРАМВАЙ ЖЕЛАНИЙ

Повесть. Рассказы

Наталия Лозовская

Трамвай желаний.

Повесть. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57488688

ISBN 9785005140906

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга о людях обычных и не очень, о жизненных чудесах и о чудесной жизни. Иногда и восемь рук бывают лишними, а сны – вещими. А иногда можно так запутаться, что помочь может только трамвай, набитый классиками литературы, трамвай желаний.

Содержание

Трамвай желаний	5
Глава 1. Трамвай желаний	5
Глава 2. Ветка дуба	10
Глава 3. Сбыча мечт	16
Глава 4. Противостояние	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Трамвай желаний

Повесть. Рассказы

Наталья Лозовская

© Наталья Лозовская, 2020

ISBN 978-5-0051-4090-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трамвай желаний

Повесть

Глава 1. Трамвай желаний

Тяжелые сумки оттягивали руки. Соня шла после работы. Сейчас бы лечь и уснуть, просто провалиться в сон. Без сновидений. Без мыслей. Но еще надо было доехать домой.

«Хоть бы сесть, хоть бы сесть», – твердила она про себя, залезая в трамвай. Ура, вот и место! Соня тяжело плюхнулась на сидение. Голова сама прислонилась к стеклу, легкое постукивание убаюкивало.

– Девушка, чаю не хотите?

Резкий голос разбудил ее.

Она открыла глаза. Потом опять закрыла и снова открыла. Картинка не менялась.

Перед ней стоял странный мужчина, похожий на самурая, с огромным подносом и протягивал ей стакан с чаем. На откидном столике у соседнего окна вовсю дымился самовар.

Пахло чем-то знакомым, чем-то из детства, ах да! Горелые шишки и иван-чай! Бабушка так всегда заваривала.

Неуверенно она потянулась к стакану с чаем в затейливом подстаканнике.

Чтобы хоть как-то заполнить паузу, строго спросила:

– Это кипрей?

– Ну, что вы, это же пуэр! Кипрей только против хода движения пьем! – возмутился мужчина и пошел дальше по проходу, раздавая чай.

Соня огляделась. Пассажиров было немного. Но все они были весьма необычны. Старушка с козлом на привязи. Женщина в шляпе, похожей на гриб.

Только старичок рядом с кабиной водителя трамвая смахивал на обычного бомжика во всесезонной одежде.

Вообще вагон как будто вытянулся в длину, явно такие трамваи Соне еще не попадались. Она резко оглянулась, точно помня, что входила в последнюю дверь, и заверещала от ужаса – вагон за спиной продолжался бесконечно далеко.

К ней тут же подскочила старушка с козлом.

– Ну что ты? Что ты, детка?! Не кричи так!

– Вы кто? Вы что? Что здесь вообще такое?!

– Ну, трамвай это, сама же видишь!

– Вижу. – Тут Соня запнулась, потому что посмотрела за окно. Трамвай явно набирал высоту, пролетая над крышами домов.

– Мне вкололи наркотик, да? – обрадовалась Соня. – Точно! Я передачу видела! Это чтобы ограбить. Да и черт с вами! Грабьте. Все равно ничего ценного, кроме бабушкиной подвески, нет!

Инстинктивно она тут же потянулась проверить подвеску. Большой серебряный медальон с тиснением. Она выдохнула – на месте.

– Сударыня, вы не правы. Никаких наркотиков, никакой химии.

Незаметно к ней подсел пожилой мужчина.

Он был похож на сильно состарившегося Гоголя, который решил стать хипстером. Седые волосы забраны на темени в бодрый хвостик, татуировка на шее и толстовка с надписью «Поднимите мне веки».

Соня осуждающее на него посмотрела:

– Оно и видно!

– А не надо всех судить по внешности! – возмутился Гоголь. – Вот некоторые с бантиками всю жизнь, а в десятом классе в сочинении пишут, что «Вий» навеян «Мастером и Маргаритой»! Вы вообще в курсе, кто раньше жил?

– Да это я с подружки списала, я не нарочно. Ну, у меня с литературой-то и правда не очень было, уж простите, я обидеть никого не хотела, – привычно протяжным голосом оправдывалась Соня, – Ну, хорошо, не обижайтесь, если это не «химия», объясните мне тогда, что это?

– Это как «Трамвай Желание». Только наоборот.

– В смысле? Ничего не сбывается?

– Не совсем. Книгу-то вы, конечно, не читали? Не читали. Я так и думал. У нас тут, кстати, есть прекрасный библиотечный вагон. Очень рекомендую. Хотя – кому я говорю? У вас же дома три книги, и те для засолки. Так что, если вкратце, то в книге все плохо, несмотря на название. А у нас наоборот – все хорошо.

– Вот это вот сейчас совсем не помогло.

– Сюда просто так не попадают, попадают только те, кто сильно запутался. Вот какие у вас желания?

– Спать хочу. Домой хочу. Есть хочу.

– Это все по привычке. А сейчас задумайтесь, прямо сейчас, чего вы на самом деле давно хотели? Только честно!

– Денег хочу!

– Мимо. Денег все хотят. Думайте! Любую мелочь, но это должно быть ваше искреннее и собственное желание!

– Повышения на работе.

– Это свекровь ваша хочет, а не вы! Тяжелый случай! Думайте!

Видно было, что Гоголь уже очень злится. «Лучше его не злить», – подумала Соня. Почему-то в памяти всплыли страницы учебника о том, как он сжег второй том «Мертвых душ». «Думай! Думай, Соня!» – сказала она себе и закрыла глаза.

– Я хочу... я хочу... я хочу увидеть, как цветет миндаль! – почти закричала она.

Откуда-то сзади послышался шквал аплодисментов.

– Вот! Вот теперь все правильно! – обрадовался Гоголь. –
Вот теперь можно и поспать!

«Курс на миндаль!» – это было последнее, что услышала
Соня перед тем, как провалиться в глубокий сон.

Глава 2. Ветка дуба

Проснулась Соня отдохнувшей и посвежевшей. Она открыла глаза и поняла, что лежит в цветастом гамаке. Все окна были задернуты веселенькими занавесочками, через которые просачивался яркий свет. Поодаль висели такие же гамаки.

Трамвай никуда не делся.

«Может, я уже просто умерла?» – подумала она.

– Нет, сударыня, вы еще не умерли, – прервал ее мысли седобородый старец. Он висел в воздухе рядом с ее гамаком. «Висел» – потому что нижняя половина туловища у нее отсутствовала напрочь.

«Лицо у него какое-то знакомое, где-то я его видела», – подумала Соня.

– Конечно, знакомое, – отозвался старец, – сейчас я еще насыплюсь – сразу узнаете!

Он расправил окладистую бороду и повернулся к ней полубоком. Соня поняла, что он читает все ее мысли, поэтому думать надо быстрее и тянуть время не получится.

– Неужели Толстой? – неуверенно спросила она.

– Он самый, – облегченно выдохнул Лев Николаевич.

– Вы уж простите, мне просто непонятно, а почему вы – не целиком, где ноги?

– А вот это, деточка, ты зря его спросила, по больному

прямо, – бросила на ходу проходившая мимо вчерашняя старушка с козой.

Коза деловито прогуливалась по проходу, позвякивая колокольчиком.

Толстой же весь сморщился и порывисто отвернулся, делая вид, что рассматривает занавески.

– Не обижайтесь пожалуйста! – крикнула Соня.

– Да чего уж тут обижаться? На правду-то... Придется тебе объяснить, хоть, может, тебе и рановато пока. Видишь ли, ты, наверно, уже поняла, что это не простой трамвай...

«Да нет же, просто решила, что остановку свою проехала», – подумала Соня и тут же осеклась, вспомнив, что Толстой умеет читать мысли.

– Вы только не обижайтесь, продолжайте, пожалуйста! Я постараюсь ни о чем не думать и вас не перебивать! – заголосила Соня, видя, что старец опять нахмурился.

– «Ни о чем не думать» – это не совсем то, для чего ты сюда попала, – сурово отрезал он, – но я все-таки продолжу. В этом трамвае полно разных писателей, разумеется, тех, которых уже нет в живых. И все было бы хорошо, у нас замечательная компания, но если нас перестают читать – мы потихоньку исчезаем. Не сразу. По частям. Можно выбрать, что исчезнет первым, что позже. Я вот решил, что напоследок бороду оставлю, чтобы хоть кто-то узнавал. У меня вообще

еще все неплохо, вот Державин совсем исчез, бедняга. Только голос остался. А я что – голова, есть, руки есть, а ноги – часть исключительно рабоче-функциональная, без личностного отпечатка.

– А вот Тарантино бы с вами не согласился, – встрял в разговор бомжеватого вида старичок.

– Во-первых, я не с вами разговариваю, милейший, во-вторых, кто такой этот ваш Тарантино? Писатель? Давно умер? – возмутился Лев Николаевич.

– Нет, сценарист, он живой еще вообще-то!

– Ну вот, если после смерти к нам попадет, сможет себе ноги оставить! Хватит уже перебивать! Брысь на свое место!

– Все, ухожу, ухожу, но не думаю, что ему, конечно, придется что-то оставлять, его всегда смотреть будут. – Бурча, старичок возвращался на свое место.

– Извиняюсь, – продолжил Толстой и грустно вздохнул, – вот я тоже не думал, что со мной такое может быть. А как попал в школьную программу – все! Это же конец, это ментальная смерть для писателя! Ментальная смерть! (Хорошо же каламбур вышел?) Кто ж захочет читать из-под палки?! Я разве для того писал, чтобы мне всякие мысли и образы приплетали???) За что мне это?! Краткое содержание произведений русской литературы! Сто школьных сочинений! Сайт готовых домашних заданий! Я ведь больше всех страдаю!

– А как же Гоголь? – осторожно спросила Соня. – Он вро-

де целый.

– А он еще пока читаемый. Мистика и все такое! – отмахнулся Толстой. Повисло молчание.

– Кстати, вы вчера Николая Васильевича расстроили сильно, и он забыл вам выдать важный артефакт. У него это в последнее время правда часто случается. Сегодня дежурю я.

И он протянул ей маленький серебряный значок в форме ветки дуба.

– Это что такое? – удивилась Соня.

– Прикрепите его к одежде. Это считайте, ваш билет и ваша бытовая волшебная палочка. Вот захочется вам откусать – представляйте, чего именно желаете, и дотроньтесь до значка, нужно ванну или кофе или еще что для бытового удобства. Все к ней. Только запомните – представлять нужно конкретно! В деталях!

Соня представила горячий капучино и хрустящие круасаны с клубникой. Тут же перед ней появился поднос. Потом захотелось добавить сливок – и тут же материализовался кувшинчик.

– Как здорово! – не удержалась Соня.

– Ну, я вижу, вы быстро разобрались, – собрался уже улетать Толстой.

– Спасибо, подождите, а у всех остальных такой же значок?

– Нет, у всех разные, конечно, у Гоголя, по-моему, черти-

ки, у Чехова – ружья, у Достоевского – топорики...

– О, здорово! А почему у вас ветка дуба?

– Ну, видишь ли, дело в том, что это не просто дуб, это...

– Вот это ты тоже зря спросила, дочка, – перебила его старушка, которая уже возвращалась с козой обратно.

– Да что ж вы за сволочи такие! Сволочи! А не люди! Чернь! Не буду ничего объяснять! Книжки начнешь читать – сама поймешь! – закричал Толстой.

– Простите, пожалуйста, не злитесь только! Спасибо вам, спасибо за дуб, я все обязательно прочту. Можно только один самый последний вопросик?

Лев Николаевич кивнул.

– А здесь только русские писатели... м-м-м... обитают? – спросила Соня.

– Нет, почему же только русские, все. Просто людям обычно на родном языке изъясняться сподручнее. Они со своими общаются. А тебе кого надо-то? Англичанина, француза? Вот я с Хемингуэем недавно подружился. Преинтереснейший тип, скажу я тебе. Тоже, кстати, с бородой. Хочешь, приведу в следующий раз?

– Да, нет. Я сама пока не знаю. Не надо. А мне долго ехать еще?

Толстой хитро посмотрел на нее:

– Долго. Ты еще даже до своего первого желания не доехала.

– До какого?

– До миндаля, конечно! – ответил Лев Николаевич и испарился. (с)

Глава 3. Сбыча мечт

Так. Значит, значок, исполняющий желания. Это ли не мечта всей ее жизни? Да что уж ее – кто не хотел бы такой волшебный бытовой значок? И Соня начала экспериментировать. Она никогда не была в Париже, поэтому решила заказать настоящий французский завтрак, чтоб прямо из Парижа.

К ее разочарованию, перед ней нарисовались малюсенькая чашка с кофе, стакан апельсинового сока и кем-то уже надкушенный круассан.

– Что? – возмутилась Соня, – вы тут мне еду сэконд-хэнд будете привозить?! Быстро все уберите и давайте мне тогда новый, слышите, новый, никем не начатый английский завтрак! Из Лондона только!

На подносе возникла тарелка овсяной каши, баночка с джемом и тосты.

– И это все? – разочарованно протянула она. – Вот не зря я в Англию не ездила. Чего там делать, если у них завтрак хуже, чем в детском садике?

Она уныло начала ковырять кашу. «Ну что за бездарность?! Почему я даже тут не могу придумать что-то?! Куда делись все мысли?»

Тогда она решила просто вызвать какую-нибудь любимую еду и не думать, что это завтрак.

– Хочу хачапури! Самые лучшие, самые сочные, самые горячие и ароматные!

Когда на тарелке появились дымящиеся хачапури, настроение ее сразу улучшилось.

После более чем плотного завтрака сразу захотелось освежиться, лучше всего принять ванну. Конечно, с трудом можно представить, как такое можно организовать в трамвае, но волшебство же! Решила рискнуть.

– Хочу ванну-джакузи с морской солью и бокал шампанского!

Тут же Соня оказалась в длинной ванне, которая стояла в проходе между сидениями.

– Нет! Хочу, чтобы меня при этом никто не видел! – заорала она.

Вокруг ванны появились плотные бархатные занавески.

– Фух. Ну хоть так. Какая же мука – загадывать желания! Кто бы мог подумать! – сказала Соня сама себе, беря пузырящийся бокал шампанского. – Вполне чудненько! Никогда не пила шампанское на завтрак!

– Бо-о-оже, сплошные клише! – Между занавесками просунулась морда козы. – Круассаны, ванна, шампанское!

– Черт! Тебя сюда кто звал?! Кыш! Кыш! Ты еще и болтаешь?

Коза не сдвинулась с места.

– Еще чего! И не подумаю!

– Так! SOS! Срочно! Мне нужно принять ванну без ко-

зы! – заорала Соня волшебному значку. – Быстро уберите козу!

– Ты чего орешь как полоумная? Хочешь, чтоб сюда весь трамвай сбежался?

Мерзкая коза не исчезала.

– Да что ж такое? Почему не работает?! – Соня в ярости трясла волшебный значок.

– Да, ты и правда не семи пядей во лбу, – вздохнула коза, – это бы-то-вое волшебство! Ты не можешь им управлять живыми существами. Я-то надеялась, что хоть пойдешь книжки считаешь, после разговора с Толстым-то. Но... нет.

– Да что ж ты хочешь от меня? И почему ты до этого все время молчала?

– Хочу, чтоб ты за ум взялась, наконец! Сколько с тобой возиться можно?! Молчала... Да не люблю я с живыми-то людьми разговаривать. Непривычно.

– Что значит с живыми? Тут, что, все – мертвые?!

– Тьфу на тебя, вот дура и есть дура! А ты что, считаешь, что Толстой с Гоголем живые, что ли? И вообще кончай пить шампанское! С утра его пьют только дегенераты!

– Или аристократы, – неуверенно добавила Соня.

– Вот это, дорогуша, точно не про тебя! Чтобы стать аристократом, надо прочитать кучу книг, хорошенько подумать, потом прочитать еще раз, потом прочитать об этом в других книгах, сравнить, много думать, потом увидеть все это в ре-

альной жизни, научиться играть хотя бы на одном на музыкальном инструменте и ездить верхом...

– Все? – перебила козу Соня.

– Нет, еще неплохо бы умело вальсировать, стрелять и играть в бридж. И только после этого, слышишь, дурная твоя башка, после этого можно пить шампанское по утрам! Так что лови полотенце, – коза зубами кинула в сторону Сони что-то похожее на махровое покрывало, – и бегом в читальню! Слышишь?!

– Хорошо, хорошо, но как я пойму, с чего начать? Там же наверняка миллион книг?

– Как минимум септиллион, – сухо поправила ее коза, – но не переживай, книга выберет тебя сама. Чао, дорогуша! До новых встреч!

Соня поняла, что выбора у нее и нет, и быстро загадала оказаться в трамвайной библиотеке.

Читальня оказалась вагоном, в котором стеллажи с книгами чередовались с местами для чтения. Окна также были задернуты занавесками.

– Надо же, сколько книг, – удивилась Соня. Ряды стеллажей уходили в бесконечную даль.

Не успела она сесть в кресло у окна, как к ней в руки буквально свалилась книга. Это были португальские сказки.

«Ну, отлично, совсем дурой меня считают, – вздохнула Соня, – я-то Толстого хотела уже спасти. Но сказки так сказки».

На удивление читалось легко и интересно. Первая легенда была о королевской свадьбе. Принцесса была из далекой северной страны, и сначала принц ее просто на просто захватил в плен, но потом влюбился и сумел добиться ответных чувств. И все бы хорошо, но очень скучала принцесса по родной стране, а более всего по снегу, которого в Португалии, понятное дело, никогда не бывало.

И стала принцесса болеть и чахнуть. И называлась эта болезнь «ностальгия». Но старый-престарый мудрец дал принцу дельный совет. И вот в один прекрасный день вокруг королевского замка высадили тысячи миндальных деревьев. И когда принцесса выглянула в окно, то увидела вокруг абсолютно белые деревья. И решила она, что это снег, обрадовалась и абсолютно выздоровела. Навсегда. И жили они долго и счастливо.

Соня улыбнулась и откинулась в кресле, ей очень захотелось посмотреть в окно. Она резко отдернула занавеску.

А за окном, насколько хватало глаз, простиралось бело-розовое облако цветущей миндальной рощи.

Глава 4. Противостояние

Соне безумно захотелось выскочить из трамвая, скорее, наружу, к этим деревьям. Она побежала вдоль вагона в поиске двери, но безуспешно.

Паника начала охватывать ее:

«Куда они подевались? Как мне выйти?! Почему меня не пускают?!»

В отчаянии она стала бить кулаком по окну.

– Сударыня, что же вы так бьетесь? – Это был Гоголь. В длинном черном плаще выглядел он довольно зловеще.

– Почему меня не пускают на улицу, к миндальным деревьям? Мне же обещали исполнение желания? – запричитала Соня.

– Так вы загадали «увидеть», как цветет миндаль, вот и увидели, а про потрогать и понюхать ничего не было.

– И что это у вас за бюрократия такая? Хуже чем в поликлинике!

– Но-но-но, не вам уж говорить про бюрократию и волокиту! Помните, как вы лихо завернули старичка-педагога в отделе кадров? Могли бы и помочь, между прочим, но вы же к каждой бумажке, к каждой закорючке прицепились ведь! А о бесконечных копиях свидетельств о рождении я вообще молчу.

– Ладно... ладно... подловили, – вздохнула Соня, – и что

теперь?

– А теперь, – и в вагоне сразу резко потемнело, как будто выключили свет за окном, – вам нужно кое с кем познакомиться!

В кресле напротив Сони материлизовалась какая-то пожилая женщина. Одета она была в растянутый темно-серый свитер в катышках и невнятного цвета брюки. Грязные седые волосы собраны в неаккуратную кичку. Лицо покрыто мелкими морщинами. Уголки губ опущены вниз твердой подковой, глаза серые и бесцветные, взгляд тяжелый.

– Приветствую, – тяжело выдохнула она.

– Здравсьте, – неуверенно ответила Соня.

– Я начну. Была два раза замужем, первый раз муж был бездарен и инфантилен – развелись через год, второго – никогда не любила. Вышла, чтобы быть «как все». Раздражал до дрожи, но ничего. Умер, правда, рано. Да так даже и лучше. Вуз выбирала мама. По своим связям и перспективам. Учиться я там не хотела, но училась. Закончила. Пошла работать. Так я оказалась в отделе кадров. Работаю уже двадцать пять лет на одном месте. Ни разу меня не повысили. Коллектив – склочный, работники – идиоты, начальник – самодур. Ненавижу их всех.

Удивительно, но с каждым словом этой странной гостьи силы покидали Соню, она физически ощущала, как что-то, похожее на незримую паутину, начинает опутывать ее и лишать воли. А дама все продолжала говорить монотонным су-

ХИМ ГОЛОСОМ.

– Никогда не путешествовала и не хочу. Зачем? Красивые картинки можно увидеть и в интернете. Отдыхаю я дома. Это дешевле. Я не покупаю себе одежду ярких цветов. Это непрактично. Все оттенки серого. Идеально. Никогда не пользуюсь косметикой. Все только по скидкам. Я не люблю книги. Мне это неинтересно. Это скучно. Интернет и телевизор всегда займут мое время.

Соня понимала, что нити уже плотно опутали ее и очень скоро она не сможет сопротивляться и вот-вот потеряет сознание. Было холодно и душно одновременно.

– Брейк, дамы! – Неожиданно возник между ними Гоголь и нити чуть ослабли.

– Кто-о-о это? – сдавленно прошипела Соня.

– Знакомьтесь, это Софья Львовна. Вообще-то это вы через двадцать с лишним лет.

Соня с ужасом уставилась на престарелую ведьму.

– Я?! И что же мне делать? Что сейчас будет? Помогите мне, – обратилась она к Гоголю.

– Ну, помочь, сударыня, здесь можете только вы сами. А вариантов тут, по большому счету, всего два – либо она вас полностью поработит и поглотит, либо вы будете сопротивляться. Итак, дамы, продолжаем, – закончил Гоголь и исчез из видимости.

Ведьма сразу зашипела сухим скрипучим голосом, уставившись на Соню немигающим взглядом.

– Да, я – это ты. Я всегда недовольна. Моя голова всегда опущена. Я не смотрю в небо. Я не хожу в театры и кино. Я не понимаю зачем. Я не хочу тратить время. У меня никогда не было животных: собаки меня раздражают, а на кошек аллергия. Я никогда никого не любила. Люди меня бесят и раздражают. Они все тупые. Тупые уроды. А я всегда права.

– Стой! Нет! Неправда! У меня был попугай в детстве! Я любила его! – выкрикнула Соня и сразу почувствовала, словно одна из паутин лопнула.

– Да-а-а, только ты забыла закрыть окно, и он улетел, – уныло ответила дама.

– Я люблю, мне нравится... мне нравится сажать цветы! – нанесла второй неуверенный удар Соня. Путы слабели. – Я читала в детстве! У меня были любимые книжки!

– Ну да, конечно, «Денискины рассказы», – хмыкнула гостья, но было заметно, что она приостановилась, и Соня тут же воспользовалась этой паузой.

– Я... я поменяю работу! Я пойду учиться! Я не буду так жить! Я куплю себе красное платье, слышишь, ведьма, красное! Я заведу собаку! Я научусь водить и куплю себе ярко-зеленую машину! Я буду путешествовать, мно-о-ого путешествовать! С собакой и на зеленой машине. В красном платье! Да! И я начну читать! Я прочту все книги в этом чертовом трамвае!

С каждой фразой Соне становилось все легче и легче, па-

утина явно ослабевала. И она уже не могла остановиться.

– Я хочу ходить в театр! В кино! На все-все премьеры! Я буду заниматься тем, что мне нравится! Я решу все с мужем! Я буду любить всех людей! Слышь, ты, пугало! – Соня совсем уже осмелела.

Вокруг начало светлеть, проклятая паутина практически вся отвалилась и никто не вытягивал из нее силы, но тут...

– Не-е-е-т, не сможешь! Не сможешь ты всех любить! Ты себя-то не любишь! – зло приговаривала проклятая гостья, качая головой. – А знаешь почему? Мать тебя никогда не любила! Ты была нежеланным ребенком! Слышишь, неудачница! Никому ты не нужна!

В этот момент подул холодный ветер, стемнело, и вся отпавшая паутина прилипла к Соне обратно.

– За что? – Она обреченно опустила голову. – Нету сил. Проще сдаться. – Но тут неожиданная мысль промелькнула у нее в голове. Соня улыбнулась. Сил чуть прибавилось.

– Да. У меня плохие отношения с матерью. Да, она говорила мне много гадостей. Но она все равно заботилась обо мне. Все, что она делала, она делала из любви. Да, это была странная любовь. Но все лучше, чем никакой. Я точно помню, как она поправляла мое одеяло по вечерам!

Путы слегка ослабли.

– И знаешь что, мерзкая ведьма, я сейчас поняла одну вещь: ради меня никто и никогда не сажал рощи деревьев. Это правда. Но, черт возьми, кто мне помешает самой поса-

дить их ради себя?!

В этот момент вся паутина рассыпалась, а мерзкая гостья стала растворяться в воздухе, пока от нее не остался небольшой серый дымок и удушающий запах пыльных тряпок.

– Это было ле-ген-дарно! – закричал радостно Гоголь. –
Ведь так, кажется, говорили в вашем любимом сериале. Поздравляю! Я болел за вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.